

УРОКИ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

Возникший в последние месяцы 2008 г. масштабный финансово-кредитный кризис сотрясает весь мир. Он чувствительно сказался и на российской экономике. Все активнее включаясь в процесс экономической глобализации, Россия еще не успела осознать все последствия возрастающей взаимозависимости стран мира. Было бы, однако, большим упрощением объяснять наши трудности только негативным воздействием извне: падением экспортных цен, сужением внешнего товарного и кредитного рынка, приступами паники на мировых фондовых и товарных биржах, под влияние которых попали и отечественные бизнесмены, оттоком иностранного капитала. Принимаемые государством меры по смягчению этого воздействия не устранили неблагоприятия в экономике. Импульс извне лишь обнажил и обострил российские проблемы.

Среди них: болезненная инфляция, девальвация рубля, неразвитость внутреннего кредитного рынка, узость потребительского и инвестиционного спроса, беспрецедентная утечка за рубеж умов и капиталов, масштабная коррупция, деградация многих жизненно важных отраслей, включая сельское хозяйство, явная и скрытая безработица, падение уровня жизни значительной части населения, упадок нравов, растущее социальное расслоение, сокращение из года в год численности населения. Внешнеэкономическая политика также оказалась достаточно близорукой, поскольку, как и внутренняя, опиралась в основном на неолиберальную идеологию. Преимущества экономической глобализации переоценивались, а ее риски и угрозы недооценивались.

Неолиберальный курс преобразований, заведший экономику в тупик, предполагал возможность быстрого обогащения и имел своих заинтересованных проводников. Создавался новый класс собственников, разбогатевших на грабительской приватизации. К тому же государственная бюрократия постепенно срачивалась с бизнесом и начинала действовать с ним в унисон.

ЧЕМУ УЧИТ ПЕРЕЖИВАЕМЫЙ МИРОМ И РОССИЕЙ КРИЗИС

Российская экономика в последнее время переживает второй после дефолта и девальвации рубля в 1998 г. кризис, на сей раз более глубокий и, видимо, более, продолжительный. Кажется, достаточно двух серьезных предупреждений, чтобы извлечь уроки на будущее и скорректировать курс общественного развития. Причем дело не ограничивается только областью экономики. Она лишь одна из важных составляющих единого общественного организма, в котором все его части находятся в тесной взаимосвязи. На положении дел в экономике сказываются господствующие идеологические доктрины, состояние общественного сознания, государственная политика, политическая ориентация, профессионализм и добросовестность работников управленческого аппарата, дееспособность демократических институтов. Нельзя также недооценивать исключительно важной роли науки, образования, духовно-нравственного климата в обществе, творческого потенциала и общей культуры интеллектуальной элиты.

Богомолов Олег Тимофеевич – действительный член Российской академии наук, крупный специалист в области мировой экономики.

Решающее экономическое значение приобретает умножение человеческого и социального капиталов. Другими словами, знания, умение, здоровье, общая и поведенческая культура членов общества, их гражданская позиция представляют ценнейший капитал нации. Не менее важно укреплять доверие людей к власти, их уверенность в справедливости и жизнеспособности общественного устройства, обеспечивать сплоченность общества, т.е. наращивать и социальный капитал.

Показательно, что новая американская администрация не ограничилась в борьбе с кризисом мерами по санации кредитно-банковских и страховых институтов, включая национализацию де-факто некоторых из них. Не ограничилась предоставлением крупных кредитов ряду терпящих банкротство корпораций, налоговыми льготами и другими мерами по увеличению покупательной способности населения. Она включила в антикризисную программу реформы в социально значимых областях. Среди них на одном из первых мест создание с помощью государства новых рабочих мест, повышение уровня образования и охраны здоровья населения, совершенствование пенсионной системы, стимулирование инноваций, повышение моральной ответственности бизнеса. В плане президента Б. Обамы сказано: “Мы дадим людям работу на строительстве школ, лабораторий, библиотек для XXI в., чтобы наши дети могли конкурировать с любым работником в мире”. Все это выглядит как попытка выработать по примеру президента Ф.Д. Рузвельта новый курс развития.

В кризисных условиях дерегулирование, упование на невидимую руку рынка все явственнее демонстрируют свою ущербность. На Западе и в России на это давно указывали видные экономисты. Начиная с Дж.М. Кейнса, выдвигались альтернативные идеи функционирования капиталистической экономики. К сожалению, основное течение экономической мысли пошло по другому руслу. Господствующим стал либеральный фундаментализм. Его и восприняли, не без зарубежных советов, российские реформаторы. Однако сегодняшняя ситуация в экономике ведущих стран Запада, как, впрочем, и во всем мировом хозяйстве, заставляет пересматривать сложившиеся взгляды. “Рыночный фундаментализм *laissez – faire* последних 20 лет драматически провалил экзамен”, – говорится в докладе ЮНКТАД (Конференция ООН по торговле и развитию. – *О.Б.*), озаглавленном “Глобальный экономический кризис: системные провалы и мультilaterальные средства лечения”¹.

В последнее время даже из лагеря убежденных либералов все громче раздаются критические голоса. Показательны в этом отношении публикации журнала “Экономист”. В октябрьском 2008 г. номере издатели журнала иронизируют по поводу отступничества от либеральной доктрины президента Франции Н. Саркози, печатая карикатуру на него с томом “Капитала” К. Маркса в руках. Действительно, на саммите Европейского Союза (ЕС) в октябре 2008 г. Саркози признал, что ультралиберальный капитализм себя дискредитировал и миру нужна рыночная социальная модель². А в следующем номере журнал поместил специальный доклад по состоянию дел в мировой экономике “Когда фортуна нахмурила брови”, в котором допускаются перемены в капиталистическом мироустройстве.

В нем, в частности, говорится: “Предсказывать последствия незавершившегося кризиса опасно. Но уже ясно, что даже в условиях отсутствия катастрофы направление глобализации изменится. В течение последних двух десятилетий ее ход совпадал с усиливающимся интеллектуальным влиянием англо-саксонской модели капитализма свободного рынка. Глобальная интеграция явилась по большей части триумфом рынка над государством. Теперь баланс между ними сдвигается, причем не только в сфере финансов”³. “Уолл Стрит, – говорится далее, – оказался в центре нынешнего кризиса, так что статус Америки и ее интеллектуальный авторитет резко упали”⁴. Доклад за-

¹ The Global Economic Crisis: Failures and Multilateral Remedies. UN. New York, 2009, p. III.

² The Economist, October 4, 2008, p. 2.

³ The Economist, October 11, 2008, p. 6.

⁴ Ibid., p. 33.

вершается таким выводом: “Больше, чем в новом капитализме, мир нуждается в новом мультилатерализме”⁵. За этим мудренным словом скрывается допустимость, помимо либеральной, других моделей развития современной экономики, в которых на государство возлагается большая регулирующая роль. В этом отношении весьма поучителен опыт скандинавских государств, где социальная ориентация рыночного хозяйства и государственной политики практикуется многие годы и достаточно успешно.

Мировому сообществу предстоит извлечь правильные уроки из нынешнего кризиса. Недостаточно объяснять свои беды раздуванием финансово-кредитного пузыря в США, который, лопнув, втянул в кризис и другие страны. Несомненно, США оказались наиболее наглядным примером изъянов неолиберальной модели рыночной экономики. Однако глобальный кризис имеет не только американские корни. Дешевые заемные деньги, отсутствие надлежащего регулирования национальных и глобальных денежных рынков, устойчивые диспропорции между денежными и товарными потоками, узость внутреннего платежеспособного спроса, крупная внутренняя и внешняя задолженность многих стран, наконец, неспособность международных финансовых институтов справляться с назревающими проблемами – все это проявления серьезных сбоев в функционировании национальных и глобальной рыночных систем.

Уже началось обсуждение на встречах лидеров ЕС и Большой 20-ки новой архитектуры мировой финансовой системы и коллективных действий государств по обузданию разрушительных стихийных процессов и обеспечению стабильности глобального рынка. Хотя не все точки зрения лидеров 20-ки на борьбу с кризисом совпадают, они согласились выделить 1 трлн. долл. на оздоровление через МВФ и Всемирный банк глобальной финансовой системы. Достаточно ли этого, тем более что у США и ЕС различаются взгляды на будущее стареющего капитализма. Можно предположить, что США, в конечном счете, предпочтут ограничиться частичной корректировкой существующей системы, тогда как европейцы продолжают поиск новой парадигмы постиндустриального развития.

Если Европа, Китай и ряд других стран задумываются о новой модели или парадигме экономического устройства, то для российского доморощенного капитализма, следующему пока примеру США, это не менее актуально. Конечно, открыто признать несостоятельность ультралиберальной идеологии наши реформаторы еще не готовы. Но критические настроения в России, испытывавшей все прелести дикого капитализма, пожалуй, сильнее, чем где-либо. Поэтому естественно ожидать, что новые подходы в экономической политике проложат себе дорогу. Кризис призван способствовать отрезвлению проводников нынешнего рыночного курса.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ, ОЖИДАЮЩИЕ РЕШЕНИЯ

В каких главных направлениях назрело переосмысливание экономической идеологии и политики? Одна из наиболее острых проблем – роль государства в национальном хозяйстве. В российских СМИ широко растиражирована мифологема – государство должно уйти из экономики или, по меньшей мере, свести к минимуму свое участие в ней. Так, один из бывших советников В.В. Путина пытался убедить общественность, что при низкой доле государственного бюджета в ВВП экономика растет успешнее. И это в то время как мировая статистика неопровержимо показывала рост этой доли на протяжении всего минувшего века с 10–20 до 50 и более процентов⁶.

Бесспорно, современное государство, тем более социальное, каким Россия объявлена по Конституции, призвано представлять и обеспечивать интересы всего населения, а не быть комитетом по заведыванию делами наиболее состоятельной и влиятельной его части. Но это предполагает не только справедливое и эффективное демократическое устройство общества, подконтрольность ему государственной бюрократии, но и значи-

⁵ Ibidem.

⁶ World Economic Outlook Supporting Studies IMF, 2000. Washington, 2000, p. 35.

тельную роль государства в перераспределении ВВП. Доля бюджетных расходов в ВВП в России на традиционные функции государства – оборону, правопорядок, управление сохраняется на протяжении десятилетий практически на неизменном уровне, тогда как доля затрат на новые функции, прежде всего социальное обеспечение, образование, здравоохранение, науку и культуру неуклонно возрастает. Объясняется это тем, что только во власти государства противодействовать стихии нарастающего социального расслоения, гарантировать справедливый доступ людей к упомянутым выше общественным благам, способствовать тем самым общественному спокойствию. Отсюда и рост доли соответствующих бюджетных расходов в ВВП.

На современное государство ложатся ответственные функции предотвращения и преодоления провалов рыночных механизмов, и не только в денежно-финансовой сфере, что сегодня всем очевидно, но и в других областях. Речь идет об поддержании социального и духовного здоровья нации, охране окружающей среды, модернизации производства, создании экономической инфраструктуры, борьбе с коррупцией, безработицей, бедностью и т.д.

Государство способно играть существенную роль в стимулировании инновационного процесса, вкладывая бюджетные средства в ключевые, технически передовые производства, особенно во вновь создаваемые, а также принимая участие в управлении ими. Его поддержка незаменима и для сельского хозяйства многих стран. Это более чем актуально для России, учитывая далеко не самые благоприятные климатические условия в большей части страны и последствия прошлых социальных катаклизмов в деревне.

Доводы российских либералов против государственного вмешательства обычно сводятся к его неэффективности из-за недостаточной компетенции чиновников, их зашкаливающей коррупционности и чрезмерного бюрократизма. Государство обвиняют в непрозрачности обсуждения и принятия решений на основе необъективной, а то и заведомо ложной информации, доводимой до общественности, в отсутствии обратной связи с подопечным населением и бизнесом. Конечно, подобные упреки зачастую небезосновательны. Но разве частный бизнес уж столь непогрешим? Его недобросовестность, бесчестность, уклонение от налогов, подкуп чиновников, мошенничество, да и другие криминальные действия, вызванные неумной жадностью, общеизвестны. Поэтому сама дилемма: свободный рынок или контроль и участие государства в нем, выглядит надуманной. Вопрос заключается в правильном сочетании обоих начал в развитии экономики и принятии мер по наведению порядка в каждой из этих двух сфер.

В первую очередь, на мой взгляд, требуется качественное улучшение работы государственной системы управления, выращивание класса неподкупных, добросовестных и высококомпетентных управленцев. Перетряски правительственных структур, особенно при Ельцине, дезорганизовывали управление страной, поскольку нарушали сложившиеся административные отношения и лишали управленцев уверенности в своем будущем, побуждали наиболее способных из них переходить в частный бизнес.

Важно, чтобы подбор кадров в государственном аппарате происходил не по принципу их лояльности начальству и “вменяемости”, не по родственной близости, дружбе и личным симпатиям, а по уровню компетентности, профессиональным знаниям и трудовому опыту, добросовестности, умению работать с людьми, готовности и способности отстаивать общественные интересы. Понятно, что в одночасье такого рода перемены не происходят. Россия еще долго будет сильно уступать другим странам в своей конкурентоспособности на мировом рынке из-за неэффективности государственной системы управления и низкого качества и коррумпированности чиновничества. Но, чтобы вырваться вперед, важно решить, с учетом современных мировых реалий, какой должна быть роль государства в нашей экономике и как к этому прийти. Недостаточно расплывчатых и двусмысленных высказываний на этот счет, пора сформулировать четкую концепцию государственного строительства и экономического участия. И, разумеется, последовательно проводить ее в жизнь.

В переходе России от дикого к цивилизованному и социально ориентированному рынку многое зависит от государства, тех законов и моральных норм поведения, соблюдение которых оно должно обеспечивать своим авторитетом, всеми доступными в его распоряжении средствами. Поэтому и нужно укреплять государство, а не сводить на нет его экономические функции. Иначе не обуздать частный бизнес в его стремлении к быстрому обогащению, идущему, как правило, вразрез с интересами общего процветания, не сдерживать его корпоративный эгоизм.

Гигантские потери страны от бегства капиталов за границу представляют, пожалуй, один из наиболее ярких примеров недооценки возможностей государства, вернее, его неспособности влиять на развитие производства, направлять имеющиеся в стране капиталы на подъем собственной экономики. Если Министерство финансов России оценивает чистый отток капиталов из страны за весь период перестройки и рыночных реформ примерно в 400 млрд долл., то, по расчетам Ассоциации российских банков, эта цифра может достигать от 800 млрд до 1 трлн долл., что согласуется и с данными Базельского банка международных расчетов (БМР)⁷. Ряд западных экспертов не исключает, что утечка капиталов могла достичь даже 2 трлн долл.

В приведенные суммы входит легальный вывоз капиталов, но львиную долю составляет нелегальное их бегство, связанное с уклонением от налогов и стремлением укрыть и сохранить нажитое сомнительным путем. Часть беглых денег хранится на банковских депозитах (220 млрд долл. в 2006 г., по данным БМР)⁸, другая вложена в акции зарубежных компаний, в недвижимость, яхты, футбольные клубы, истрачена на личное потребление и т.д. В точности оценок можно, конечно, сомневаться, но порядок цифр в любом случае поражает количеством нулей.

К тому же этим не ограничивается вывоз российских капиталов за рубеж. Государственные валютные резервы, стабилизационные и другие фонды вложены по преимуществу в иностранные ценные бумаги и банковские депозиты, далеко не всегда надежные. В первой половине 2008 г. их общая сумма составляла почти 600 млрд долл., что мотивировалось необходимостью иметь на черный день надежную подушку безопасности. Однако наступивший кризис показывает, что это не лучший способ спасения. Обесценение доллара по отношению к другим валютам означало существенную потерю реальной покупательной способности наших резервов. Разумнее было бы использовать значительную часть этих денег на развитие отечественного производства.

Понятно, что имел место и приток капиталов в Россию, особенно в последние годы, в виде прямых и особенно портфельных инвестиций, значительных корпоративных заимствований компаний. Но общий баланс складывался с перевесом не в нашу пользу. Из-за нежелания или неспособности государства установить надлежащий контроль за вывозом капиталов экономика пережила чудовищное “кровопускание”. Можно только поражаться тому, что при этом она сумела оправиться. Помогли богатые природные ресурсы, человеческий капитал и взлет мировых цен на наши энергоносители.

В годы высоких цен на энергоносители российские корпорации накопили колоссальный внешний долг, достигавший 500 млрд долл., который с наступлением кризиса не смогли обслуживать, и государство вынуждено было спасать своих финансовых и промышленных магнатов. На это ушла значительная часть государственных валютных резервов. Трудно найти рациональное объяснение поведению государства, которое одной рукой направляет свои свободные валютные средства на хранение за рубеж, кредитуя тем самым Запад, а другой рукой подталкивает отечественные компании к крупным заимствованиям за рубежом.

Если бы мы, вывозя капиталы, не кредитовали сотнями миллиардов долларов США и другие развитые страны, а сумели инвестировать эти деньги в модернизацию своей промышленности, транспорта, сельского хозяйства, энергетики, в здравоохранение, об-

⁷ Хейфец Б.А. Оффшорные юрисдикции в глобальной и национальной экономике. М., 2008, с. 166–167.

⁸ Там же.

разование, науку, жилищное строительство и т.д., то не испытали бы, начиная с 1992 г., такого глубокого и многолетнего спада производства и жизненного уровня населения. И сегодня не были бы столь уязвимыми перед лицом мирового кризиса.

Объяснение случившемуся, естественно, существует: наша рыночная экономика была и до сих пор остается неспособной освоить такие колоссальные деньги. Считалось, что их разворуют или разбазарят без видимой отдачи. Такое возможно, если государство выпускает вожжи из рук, снимает с себя ответственность за эффективное и динамичное развитие реального сектора экономики и перепоручает заботу об этом якобы более способному частному бизнесу. Но мировая практика дает немало обратных примеров. Многие европейские государства далеко не беспомощны и безучастны в модернизации и обеспечении динамичного развития своей экономики.

Высокие темпы роста, к которым мы стремимся, предполагают значительное увеличение доли в ВВП вложений в основные производственные фонды. Пока в России меньше половины ежегодных накоплений инвестируется в реальный сектор экономики. Повышению доли инвестиций в ВВП должны быть подчинены государственная политика и влияние.

То, что делалось, шло в другом направлении. Ослаблялся и отменялся валютный контроль, облегчавший отток капиталов. Курс рубля сознательно поддерживался на заниженном уровне, увеличивающем рентабельность экспорта сырья и топлива и удорожающем импорт. Это сказывалось на повышении цен потребительских и продовольственных товаров. Из-за узости внутреннего платежеспособного спроса и низкой рентабельности ориентированные на отечественного потребителя производства хирели и сворачивались. То, что могли бы делать сами, закупалось за рубежом. Это коснулось не только текстильной, обувной, швейной, фармацевтической промышленности, но и многих машиностроительных и других отраслей. Их неохотно кредитовали коммерческие и государственные банки, а если и давали деньги, то на короткие сроки и за непомерные проценты. Собственной же прибыли неоставало для расширения и модернизации производственных мощностей. Кроме того, инфляция и слабость внутреннего спроса создавали повышенные инвестиционные риски. При все большей открытости экономики конкуренция с импортными товарами становилось безнадёжной.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ОДНОБОКОЙ ОТРАСЛЕВОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ

В исключительно благоприятном положении оказались сырьевики, нефтяники, газовики, металлурги, словом, те, кто львиную долю своей продукции направлял на экспорт, приносивший в условиях повышающихся мировых цен баснословные прибыли. Но такой возможности не имели другие отрасли. Складывалась однобокая структура экономики с гипертрофированной долей первичных отраслей. Это отрицательно отражалось на уровне национальной производительности труда и конкурентоспособности на мировом рынке. Экономика попадала в ловушку зависимости от положения дел в странах – потребителях нашего сырья и энергоносителей, а также от конъюнктуры на мировом рынке. Утрачивались преимущества устойчивого развития на основе взаимосвязанности и взаимодополнения добывающих и перерабатывающих отраслей в рамках целостного народнохозяйственного комплекса.

Нельзя сказать, что негативные процессы оставались незамеченными. Серьезное беспокойство высказывали и ученые, и практики. Дважды в 1996 и 2000 годах ведущие российские экономисты и ряд американских экономистов лауреатов Нобелевской премии адресовали президентам России предложения по новой повестке дня реформ⁹.

⁹ Новая экономическая политика для России. Обращение российских и американских ученых к будущему президенту страны. – Независимая газета, 1.VII.1996; Новая повестка дня для экономических реформ в России. Совместное заявление экономистов России и США. – Независимая газета, 9.VI.2000.

Но никакой реакции на них не последовало. Остались без внимания и последующие предложения российских ученых и практиков по изменению положения к лучшему¹⁰. Надежды по-прежнему возлагались на рыночные механизмы, которые сами должны все исправить. Убежденность архитекторов реформ во всемогущести рынка не ослабевала. Увы, не получилось. Скорее предпринимаемые государственными органами меры работали в противоположном направлении.

Особенность России, как крупнейшей по территории страны, простирающейся на двух континентах, с практически почти полной обеспеченностью природными ресурсами, высоким научно-техническим и человеческим потенциалом, состоит в предпочтительной ориентации своего экономического развития на использование преимуществ не столько международного, сколько внутреннего и регионального разделения труда. В отличие от государств, основывающих свою стратегию роста на экспортной экспансии, нам надежнее и выгоднее делать все для углубления внутреннего разделения труда и расширения емкости отечественного рынка. Это не означает отказа от дальнейшего включения в процесс экономической глобализации и использования выгод разумной открытости экономики. Но делать это важно с оглядкой на неустойчивость и неуправляемость мировых товарных и фондовых рынков, колебания которых и периодические кризисы способны нанести России тяжелые потери. Капитализму в силу его природы присущи кризисы перепроизводства, вызываемые недостаточным инвестиционным и потребительским спросом, а также попытками искусственного повышения спроса за счет предоставления ненадежно обеспеченных кредитов. Это констатировал еще К. Маркс. Переходя к капитализму, мы должны были бы с этим считаться.

Настойчивое стремление быстрее вступить во Всемирную Торговую Организацию (ВТО) отнюдь не гарантирует нам модернизацию и обеспечение успешного развития собственных отраслей обрабатывающей промышленности и особенно высокотехнологичных, не говоря уже о сельском хозяйстве. Предварительно необходимо дать возможность окрепнуть и встать на ноги отечественным производителям. Так поступали Япония, Южная Корея, Китай, Индия, Бразилия и ряд других стран, прежде чем многие виды их промышленной продукции, на которые государства делали ставку, обрели заметный сбыт и конкурентоспособность на мировом рынке. Нельзя, к тому же, не видеть, что крупные страны, имеющие или создающие современную индустрию, направляют на экспорт значительно меньшую долю своей продукции, чем мелкие и средние. Их производство преимущественно ориентировано на отечественный рынок. Россия, однако, выпадает из этой закономерности, имея неоправданно высокий удельный вес внешнеторгового оборота в ВВП.

Сегодня бесполезно обсуждать, имела ли шоковая терапия и обвальная приватизация альтернативу. Страна преодолела самые тяжелые времена и обрела новую жизнь. Но родовые травмы, связанные с переходом в другое состояние, остаются и могут спровоцировать серьезные осложнения. Наиболее ощутимые угрозы представляют углубляющаяся социальная дифференциация общества, растущая безработица и высокая инфляция. И то, и другое, и третье болезненно сказывается на большей части населения, представляющей низко- и среднедоходные его слои. Существующие у нас сильно извращенные рыночные отношения не ослабляют, а, напротив, усугубляют развитие этих процессов. Избранные государственными органами способы противодействия им также вызывают большие сомнения. Нужны более радикальные и решительные шаги.

Плоская шкала подоходного налогообложения, льготные налоги на дивиденды, отсутствие справедливого налогообложения частной недвижимости и транспортных средств, сохраняющиеся лазейки для уклонения от налогов и вывоза капиталов сомнительного происхождения, в том числе использование для этого оффшорных гаваней, разгул коррупции, безнаказанность многих экономических преступлений и махинаций – все это ведет, по мнению специалистов, к колоссальному недобору бюджетных доходов и углублению пропасти между богатыми и бедными.

¹⁰ *Меньшиков С.* Анатомия российского капитализма. М., 2004, с. 2, 7.

Премьер-министр В.В. Путин, выступая в Думе, признал неспособность государственной административной системы обеспечить поступление налогов при существовавшей у нас в прошлом прогрессивной шкале налогообложения доходов. Вместо того чтобы навести порядок в контроле государства за доходами населения и устранить возможности их сокрытия, особенно его богатой и сверх богатой прослойкой, предложили прировнять богатых к бедным, введя одинаковую для всех ставку подоходного налога в 13%. Налоговым чиновникам убавилось работы и заботы, поступления в бюджет налогов увеличились, поскольку отпали риски скрывать сверхдоходы, откупившись данью в 13%. Финансовые и промышленные воротилы в мире могут только завидовать российской практике. А то, что это бросило вызов чувству социальной справедливости основной массы населения, ибо в данном случае на первом месте оказались интересы “нужворишей”, этим пренебрегли. Так же, как и отменой налога на наследуемое имущество. Ее инициировали и ей рукоплескали те, которые в одночасье обрели богатство и забываются о его передаче наследникам без каких-либо отчислений в пользу государства.

В стране присутствует масштабная бедность и скудость потребления миллионов граждан. Казалось бы, моральные нормы социальной справедливости, бережливости и скромности должны возобладать в обществе, широко признаваться и соблюдаться. К сожалению, превалирует культ богатства и роскоши, купеческий размах. Телевидение рекламирует жизнь нужворишей в их шикарных квартирах и виллах, показывает их яхты, самолеты и автомобили класса люкс, разгул на зарубежных фешенебельных курортах, светские с обильным угощением рауты для избранных. Высшие менеджеры в крупных корпорациях, в том числе контролируемых государством, вознаграждаются порой щедрее, чем их американские или европейские коллеги. И если за рубежом все громче раздаются протесты общественности против запредельной оплаты и бонусов топ-менеджеров и государственные органы начинают в это вмешиваться, то у нас это молчаливо принималось до последнего времени, как само собой разумеющаяся реальность. И только пример американских законодателей, установивших 90% налог на бонусы руководителей компаний, получивших государственную помощь, позволяет надеяться, что и мы предпримем нечто подобное.

Превосходящее все мыслимые стандарты имущественное расслоение общества лишает миллионы простых тружеников моральных и материальных стимулов к добросовестному труду, обостряет проблему бедности, питает нищету, порождает детскую беспризорность и другие социальные беды. Огромные перекосы возникли в оплате труда одинакового качества в частном и государственном секторах, а также в зависимости от квалификации и образования работников. Экспортные отрасли сильно превосходят другие по уровню вознаграждений работников. Зарплата рядового учителя, врача, ученого и даже профессора оказалась ниже оплаты дворника и строителя. Неоправданно низкие зарплаты добросовестных работников с высоким уровнем знаний, квалификации и опыта сказываются на их отношении к труду, подталкивают к получению незаконных или полузаконных доходов. От несправедливости в оплате труда страдают культура, наука, медицина, система воспитания и просвещения детей и молодежи, высшего, среднего и специального образования. В конечном счете, это сказывается на темпах и качестве экономического роста. Осознание упомянутых негативных последствий делает необходимым нахождение новых подходов в идеологии и практике построения системы оплаты труда в стране. Это должно стать одной из составляющих частей модернизации российского общества и его экономики.

КАК БОРОТЬСЯ С ИНФЛЯЦИЕЙ

Методы борьбы с инфляцией также требуют переосмысления. К сожалению, наши экономические и особенно финансовые деятели придерживаются монетаристских рецептов, т. е. делают ставку главным образом на ограничение денежной и кредитной эмиссии, практикуют так называемую “стерилизацию” денежной массы, сдерживание бюджетных ассигнований на зарплату и социальные выплаты. Кстати, в трудные време-

на в США и Западной Европе государства шли на расширение денежного предложения, чтобы повысить платежеспособный спрос и оживить производство. Мы почему-то связывали с этим только всплеск инфляции.

Ужесточение денежной политики имело негативную сторону, которая проявилась ныне, когда государство вынуждено предпринять беспрецедентное дополнительное вливание из своих резервов денег в испытывающую недуг экономику. Предоставленная на льготных условиях денежная помощь Сбербанку, ВТБ, Газпромбанку, Роснефти, “РУСАЛ” (Дерипаска), “Евразас” (Абрамович), ряду промышленных корпораций была по большей части конвертирована в валюту и переведена за рубеж в погашение долгов и создание резервов. Производители, реальный сектор экономики от нее мало что выиграли.

Инфляция не сводится к переполнению каналов обращения деньгами. Она вызывается ростом издержек производства под влиянием различных факторов: повышения стоимости сырья и топлива, транспортных тарифов, заработной платы, удорожания импорта и т.д. На ее размерах отражаются монопольные сговоры, инфляционные ожидания, степень доверия к устойчивости экономической системы, налоговая нагрузка и прочие побочные расходы производителей, компенсируемые повышением цен. Поэтому бороться с инфляцией надо по всем линиям и разнообразными методами.

Но чтобы иметь верное представление о ее последствиях, важно объективно оценивать масштаб инфляции, причем не только в среднем, по принципу средней температуры в больнице, а для различных секторов экономики и слоев населения. Инфляция всегда проявляется как дополнительный скрытый налог на население и бизнес, но тяжесть и возможность компенсировать его далеко не одинаковы. Детальные исследования, принятые рядом специалистов, выявили, что в наибольшей степени страдают бедные и средние по достатку слои населения. Цены на корзину потребляемых ими товаров и услуг возрастали у нас в последнее время не менее чем на 25–30% ежегодно, тогда как для богатых этот показатель совпадал с официально публикуемым в 10–14%.

Для отраслей, работающих на внутренний рынок, сбыт постоянно сужается из-за высокой инфляции, урезающей покупательную способность населения. Отсюда происходит замедление роста и даже сокращение производства. Потребление же верхних классов общества состоит в основном из импортных товаров и поэтому не служит рынком для отечественной перерабатывающей промышленности. Оно поддерживает зарубежных производителей.

Неплохо было бы попробовать сдерживать инфляцию не столько монетаристскими методами, сколько расширением платежеспособного спроса основной части общества и соответственно стимулированием производства и предложения отечественных товаров и услуг приемлемого качества и по доступным ценам. Недооценка труда в России по сравнению с близкими к нам по уровню странами ограничивает платежеспособный спрос населения. Так, часовая производительность труда, измеряемая ВВП на один отработанный час, в России примерно вчетверо уступает Италии, а часовая зарплата – почти в 10 раз¹¹. Ограничения спроса вызывают также трудности в получении кредитов бизнесом, особенно мелким и средним, непомерная дороговизна кредитных займов.

Не стоит пренебрегать постулатом классической политэкономии: “государство богатеет, когда простой товар имеет”. Разумеется, сегодня важно, чтобы он был хорошего качества, находил сбыт и его производство постоянно увеличивалось. Здесь многое способен сделать мелкий и средний бизнес, который еще не получает достаточной поддержки и защиты государства.

Конечно, и без денег экономика не может обойтись. Они тоже часть национального богатства, когда не лежат без дела, а работают как мера стоимости, средство обращения и средство накопления. Последняя функция – определяющая для экономического роста. Естественно, при условии, что немалые ресурсы на счетах наших государственных ин-

¹¹ Сулакшин С.С. Об инфляции “не по Кудрину”. М., 2009, с. 148.

ституты и банков, в том числе заимствованные на Западе, используются не для биржевых спекуляций, не растранижаются или омертвляются в неоправданных резервах, а служат приумножению реальных производительных сил страны, ее основных фондов, другими словами, превращаются в инвестиции.

Чтобы это происходило, нужен благоприятный инвестиционный климат в стране. Его создание и поддержание – задача далеко не чисто экономическая. Он зависит от эффективности государственного управления, отсутствия неоправданных бюрократических препон, политической стабильности, доверия инвесторов ко всей экономической, правовой и налоговой системе, состояния деловой морали и эффективности борьбы с коррупцией. Само собой разумеется, и от перспектив получения хорошей прибыли, которая открывает динамичное и гармоничное развитие экономики.

Практика показывает, что при возможности сорвать большой куш, иностранные инвесторы готовы рискнуть и пренебречь многими изъятиями нашей государственной и рыночной системы. Так было до дефолта 1998 г., когда они покупали баснословно доходные ГКО. Так они вели себя на нашем фондовом рынке до того, как он начал рушиться под влиянием кризиса. Но почему мы должны позволять им наживаться на нашей бесхозяйственности и отсутствии элементарного порядка?

Роль государства в содействии инвестиционной деятельности, а также участия в ней нельзя переоценить. Оно ответственно за определение ее приоритетных направлений, предоставление гарантий в случае рисков, которые частный бизнес не готов взять на себя, за создание льготных условий кредитования и налогообложения для стратегически важных инвестиций. И, несомненно, выдвигаемые президентом и правительством перспективные цели развития страны делают необходимым усиление этой роли. Это потребует соответствующих инициатив, немалых управленческих усилий и реформаторских начинаний, которые либералы могут выдавать за попытки огосударствления экономики. Но без участия государства, налаживания государственно-частного партнерства решительное улучшение инвестиционного климата маловероятно. А стало быть, и реализация амбициозных планов экономического процветания. Хочется надеяться, что настал момент истины, когда становится возможным извлечение уроков из ошибок прошлого и исправление того, что тормозит движение вперед. В этой связи предстоит дать ответ на кардинальный, на мой взгляд, вопрос: созданием какой модели общества должна завершиться постсоциалистическая трансформация.

ВЫБОР МОДЕЛИ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА

Разочаровавшись в социалистической системе, многие граждане и политики в России и странах Центральной и Восточной Европы не сомневались в том, что ей на смену должно прийти общественное устройство, подобное американскому или западноевропейскому. Такое устройство оправдало себя на протяжении многих десятилетий и даже веков, потому что основывалось на демократии и рыночных отношениях. Оно служило бесспорным примером и ориентиром для того, чтобы пойти тем же путем. Мало кто задумывался во время бархатных революций над тем, что в мире существуют различные формы демократии и рынка, что это объясняется историческими особенностями и традициями отдельных стран, менталитетом и уровнем культуры их народов. Поэтому нынешние модели общественного устройства в США и Европе, складывавшиеся в ходе длительного исторического процесса, могут оказаться мало пригодными для переноса на другую почву. Тем более результат длительного исторического процесса недостижим в короткие сроки с помощью искусственных приемов. Методы социальной инженерии и шоковой терапии, использовавшиеся некоторыми новыми политическими режимами, неспособны за несколько дней и даже месяцев и лет переделать психологию и поведение людей, заставить их принять новые духовные и нравственные ценности. Отсюда проистекают многие неудачи предпринятых преобразований и разочарование в них значительных масс населения. Поэтому не является праздным вопрос о том, через какие

этапы должны проходить преобразования и какая модель экономического и социального устройства была бы наиболее удачным итогом постсоциалистической трансформации.

К сожалению, опыт и продуманная стратегия трансформации в России и большинстве других стран отсутствовали. Упускались из вида сложности и возможные последствия кардинальных преобразований. В результате рождались извращенные формы демократии и рыночных отношений, приводящие к поляризации общества и социальной напряженности. Вместо подлинного народовластия устанавливались псевдодемократические порядки, свободное волеизъявление избирателей становилось объектом манипуляций. Власть утрачивала связь с народом. Отсутствовали механизмы обратной связи, позволяющие вовремя корректировать политику. Вместо зрелых форм капитализма складывались дикие, примитивные рыночные и нерыночные отношения, которые западноевропейские страны давно изжили, потому что они были чреваты революционными потрясениями и братоубийственными конфликтами. Неприемлемый размах приобрела преступность и коррупция, моральная деградация общества.

В современную эпоху общественное устройство большинства развитых стран Запада покоится на двух главных устоях – государственных и гражданских институтах и рыночной экономике. Но различия между странами обуславливают то, как складываются отношения между государством и экономикой, между государственными структурами и гражданским обществом, каков сам характер власти. В одних случаях может быть больше государственного вмешательства и меньше рыночных свобод, в других наблюдается обратное соотношение. То же самое относится к роли и влиянию институтов гражданского общества и их взаимоотношениям с государственной властью. Можно заверять о своей приверженности идеалам демократии, но выступать выразителем и защитником интересов наиболее богатой и влиятельной части общества, пренебрегать интересами других слоев населения, использовать авторитарные методы управления, утрачивая всеобщее доверие.

Существуют и немалые расхождения в идеологии и политике формирования общественных отношений. В зависимости от того, как складываются упомянутые взаимосвязи, меняется характер общественного устройства, различаются его модели. Нелишне поэтому задуматься над тем, какая из моделей наиболее подходит в качестве цели постсоциалистической трансформации.

Выбор стратегии развития для стран, переходящих к иному общественному устройству, сводится либо к воспроизведению с теми или иными поправками уже апробированного опыта стран Запада, либо попытке найти свой путь, учитывая особенности своего исторического опыта и принимая во внимание то, что вызревает из кризисного состояния современного капитализма, но еще не стало там определяющим. Второй путь более рискованный, но зато обещает в случае успеха стратегический прорыв в социально-экономическом развитии. К сожалению, политики не любят рисковать и предпочитают проторенные дороги. Раз социалистический эксперимент не удался, будем строить капитализм, который доказал свои преимущества. Но последний страдает опасными пороками, которые не стоит воспроизводить, и сам находится на пороге перемен.

ОРИЕНТАЦИЯ НА ОПЕРЕЖАЮЩУЮ СТРАТЕГИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Глобальный финансовый и экономический кризис 2008–2009 гг., потрясший в первую очередь саму цитадель капитализма – США, вызвал, как уже отмечалось выше, серьезные сомнения в достоинствах либеральной модели функционирования рыночной экономики. Стали активнее обсуждаться варианты ее перестройки.

В этой связи уместен вопрос: все ли из прошлого постсоциалистических стран подлежит разрушению? Все ли нуждается в замене на западные либеральные модели? Это не надуманные вопросы. Они злободневны, ибо многие люди в постсоциалистических странах приходят к пониманию того, что не следует пренебрегать рядом преимуществ прошлого строя. Кстати, еще 50 лет тому назад один из известных американских

историков и дипломатов Дж.Ф. Кеннан пророчески писал: “Некоторые черты советской системы заслуживают того, чтобы они пережили ее”¹². Добавим к этому, что и в Европе возникла социальная модель капитализма – “государства благосостояния”, которая сильно отличается от неолиберальной англо-саксонской, положенной в основу рыночных реформ в большинстве постсоциалистических стран. Конечно, либералы считают, что “государства благосостояния” не оправдали себя и переживают кризис. Но опыт стран Северной Европы говорит о том, что возможности такой модели общественного устройства далеко не исчерпаны, и ее слабые стороны вполне преодолимы.

В условиях глобализации и конкуренции дешевых товаров из Китая, Индии и других новых индустриальных государств приходится урезать некоторые социальные блага в США и странах Европы, проводить структурные реформы с целью сохранения конкурентоспособности. Но это еще не повод объявлять скандинавскую модель нежизненной. Современный капитализм извлек уроки из истории и вынужден во имя социального мира и консолидации общества придавать экономическому развитию все большую социальную ориентацию, включать государство в перераспределение ВВП. Этому способствовало и влияние Советского Союза и его достижений в социальной сфере. Кроме того, сегодня этого требует накопление человеческого и социального капитала, что выражается в повышении уровня знаний, квалификации, здоровья населения, доверия людей к социально-экономическому строю, к власти, духовного и морального состояния общества.

Словом, есть основания утверждать, что социальная ориентация развития, возрастающая роль государства в перераспределении валового внутреннего продукта, предоставление населению социальных гарантий во имя консолидации общества и социальной справедливости – все это остается фактором успешного подъема экономики и ее конкурентоспособности.

Такие “государства благосостояния”, как Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия продемонстрировали на протяжении ряда последних десятилетий динамичный рост экономики и народного благосостояния. По многим важным социально-экономическим параметрам они превосходили другие европейские государства и США. Английский журнал “Экономист”, посвятивший в своем сентябрьском номере 2006 г.¹³ специальную статью о шведской модели общественного устройства, отмечает ее достоинства, но не считает единственной, заслуживающей подражания другими странами. И, тем не менее, социальная ориентация экономического развития становится для многих стран актуальной задачей.

Содержание понятия социального государства не разъяснено ни в конституции Российской Федерации, ни в других официальных документах или речах. Это позволяет его трактовать различным образом соответственно пониманию того или иного автора. Либо вообще не вспоминать о нем. Можно лишь догадываться о том, что имели в виду составители конституции, включив в текст эту расплывчатую формулу. Присутствовало ли у них желание сохранить преемственность с социалистическим прошлым, или они руководствовались намерением подсластить предстоящую реставрацию капитализма?

Опыт европейских “государств благосостояния” позволяет выделить ряд характерных для них общих черт:

- наличие крупного среднего класса с относительно высоким уровнем жизни;
- отсутствие крайней дифференциации доходов различных слоев населения;
- государственные социальные гарантии населению (бесплатная медицинская помощь, образование, предоставление нуждающимся социального жилья, достойные пенсии и др.);
- значительная роль государства в перераспределении доходов, практика государственно-частного партнерства, участие социал-демократов в политике;
- эффективные формы демократического устройства и гражданского общества.

¹² Кеннан Д.Ф. Америка и русское будущее. – Новая и новейшая история, 2001, № 3, с. 84.

¹³ The Economist, September 25, 2006.

О роли этих государств в перераспределении национального дохода и осуществлении социальных функций косвенно свидетельствует доля собираемых ими налогов в ВВП. По данным британского журнала “Экономист”, в 2004 г. в Швеции она составляла 50%, в Дании – 49, в Бельгии – 45, в Норвегии – 44, Финляндии и Франции – 43, Австрии – 42, тогда как в США и Японии – 25. Соответствующий российский показатель для 2005 г. – 39%.

В 10 ведущих странах мира средняя доля трудовых доходов в ВВП находилась в последние 15 лет в пределах 59–61%, тогда как в России, по расчетам профессора С. Меньшикова, скорректировавшим то, что не учитывает официальная статистика, она составляла в последние годы около 44%. Доля прибыли корпораций в ВВП стран Большой семерки не превышала 15%, а в России ее доля в годовом ВВП достигала 56%. Эти цифры, рассчитанные С. Меньшиковым на основе тщательного анализа и сопоставления данных межотраслевого баланса и системы национальных счетов, не свидетельствуют о социальной ориентации российской экономики¹⁴.

Если бы конституционное положение о социальном государстве реализовывалось на практике, картина была бы другой. Дело в том, что построение в России социального государства в гораздо большей степени отвечает психологии людей и историческому опыту социалистической эпохи, ее сильным сторонам. Примеры успешного функционирования этой модели в Европе могут и нам подсказать многое. Пожалуй, и постсоциалистическая трансформация в Чехии дает аргументы в пользу этого.

Выбор модели социального государства мог бы означать для России следующее:

- сохранение социальных завоеваний прошлого и важной регулирующей роли государства в восполнении провалов рыночной экономики;
- недопущение беспрецедентной пропасти между бедными и богатыми, отсутствие массовой нищеты, большой безработицы, достойный уровень средней заработной платы;
- равные возможности для всех вне зависимости от уровня благосостояния, религии, национальности, места жительства для реализации своих способностей, получения образования и обеспечения своим трудом достойного уровня жизни;
- активная роль государства в обеспечении интересов всего общества, в формировании социально справедливой политики доходов, в предоставлении основных социальных гарантий всему населению, в развитии науки, культуры, здравоохранения, просвещения, охране окружающей среды, поддержке инновации и технического прогресса, борьбе с преступностью и в поддержании необходимого морального климата в стране;
- обеспечение демократических процедур принятия важнейших государственных решений, честного информирования общества о положении дел в стране, поддержка институтов гражданского общества, расширение свободы СМИ и критики негативных явлений в жизни общества.

Понятно, что ко всему этому путь пролегает через ряд этапов. Важно, однако, видеть перспективу. Некритичное заимствование западных моделей политического и экономического устройства, игнорирование собственного исторического опыта, в том числе последних 40 лет, привело к серьезным осложнениям в постсоциалистической трансформации.

Засилье неолиберальной идеологии и политики, усиленно рекламируемой Западом, помешало увидеть возможности других моделей и решений, в частности китайского опыта преобразований. Не позволило разглядеть ориентиры будущего развития мировой цивилизации. Характерным примером неудачного заимствования чужих моделей может служить переустройство по либеральным рецептам венгерского сельского хозяйства. Эта процветающая в социалистическом прошлом отрасль вызвала уважение. В результате разрушения ее кооперативных форм и падения производства страна потеряла не только крупные доходы от экспорта. Новая власть не осознала, что сельское хозяйство – гораздо больше, чем просто житница страны. Оно один из главных и извеч-

¹⁴ Меньшиков С. Указ. соч., с. 261.

ных устоев благополучия венгерской нации, одна из опор ее духовной и нравственной жизни. Похожая ситуация наблюдалась и в российском сельском хозяйстве.

Можно привести и другие примеры, подтверждающие, сколь неразумно следовать либеральным догматам вопреки здравому смыслу и собственному историческому опыту. Политическую и экономическую системы тогда можно считать адекватными, когда они обеспечивают устойчивое и динамичное развитие страны, подъем благосостояния и культуры всех слоев общества.

В модели такого общественного устройства многое зависит от нахождения правильного соотношения между государственным регулированием и рыночным саморегулированием. Наивно полагать, что дряхлеющий капитализм заслуживает безоговорочного подражания, и Россия должна придерживаться догоняющего варианта развития. Последний наиболее разрушительный за всю послевоенную историю капитализма кризис, несомненно, поставил в повестку дня реформирование буржуазного общества, придание его эволюции социальной направленности и усиление регулирующих функций государства. Одна из важных функций государства будет заключаться в обеспечении гармонии частных и общественных интересов, интересов труда и капитала и недопущении подчинения экономической политики корыстным побуждениям тех или иных слоев общества. Поэтому постсоциалистическая трансформация не может не учитывать этого в определении стратегических ориентиров проводимых преобразований. Надо искать ориентиры в том, что несет с собой будущее мировой экономики, что серьезно рассматривается сегодня в качестве направлений ее реформирования.